

Человек рожден для счастья

ВЛАДИМИР ПОРУДОМИНСКИЙ

Человек рожден для счастья?..

В советское время любили лозунг - «Человек рожден для счастья, как птица для полета». Кумач с лозунгом можно было часто встретить в общественных местах. Иногда с подписью: Максим Горький. Но ставшие «крылатыми» слова принадлежат другому классику. Парадокс в том, что точно так же, как в зубах навязшее горьковское «Человек - это звучит гордо», произносит пьяный обитатель ночлежки, не слишком обремененный заботой о человеческом достоинстве, слова о человеке, неизбежно рожденном для счастья, принадлежат пьяному калеке нищему: безрукий, он сидит прямо на земле, в пыли, и, зажав в пальцах ног огрызок карандаша, за медный пятак, который потом пропьет, выводит на клочке бумаги для любопытствующих прохожих всё одни и те же - эти слова: «Человек рожден...» и т.д.

На протяжении десятилетий нам раздавали бумажки с заклинаниями, что мы рождены для счастья - для счастливого детства, для счастливого труда, отдыха, образования, для счастья в личной жизни, для счастливой старости («старикам везде у нас почет»), но оказалось, что бумажки сочинял пьяный, уродливый шулер. Об этом и пишет в своих четких, точных до жестокости рассказах Игорь Шестков.

Сын, убивший старуху-мать из-за денег, которые она для него же копила, совершает преступление не только из корысти, но и из мести. «Мсть русского человека собственной истории. Мсть маленького обозленного человека огромной черной матери - России. Он мстит за детдома, за голод, за страх по ночам, за расстрелы, за унижения, за зарубленного попа, за сожженные иконы, за атомную подводную лодку, мстит за ушедшую жену, за бедность, за

семиметровую комнату... В припадке ярости, в алкогольном безумии он убивает свою мать, свою страну, свою душу». Его месть - жуткий финал, к которому способен прийти человек, клонированный идеологами шариковщины.

Созерцая толпу, рассказчик видит народ, который «был скорее процессом, чем совокупностью индивидуумов». Герои Шесткова очень точно и приметно индивидуализированы (он любит, когда «окружающему нас большому безумию они противопоставляют свое, маленькое»), но власть процесса сильнее личности каждого из них. Потому всё, что должно приносить счастье людям, оборачивается своей противоположностью.

Радости детства, первая любовь, первая женщина, семейное согласие, труд, праздник, даже поиски веры - всё оказывается оплевано, унижено, оскорблено, растоптано, убито, и часто не в переносном, а в прямом смысле слова, этой неуправляемой стихией процесса, в котором этика, эстетика, мораль, культура, похоже, неизвестные понятия. Сам праздник Пасхи, светлый Праздник Воскресения (что уж говорить о хмельном разгуле десантников-афганцев) завершается грязным, залитым мочой монастырским сортиром и убийством по пьянке.

Игорь Шестков пишет, что убитая бабушка, судьба которой как бы подытожила страшную послеоктябрьскую линию судьбы его предков крестьян, своей жизнью доказала ему, «что не религия, не интеллект и не красота, не наука и не искусство составляют хребет цивилизации, а жизненная сила простого человека». Тяжелейшей утратой прожитых нами десятилетий была запланированная и обеспеченная властью утрата этой силы, в результате чего каждый из нас, интеллигент и мужик, коммунист и антисоветчик, верующий и атеист, «смирился с абсурдностью жизни, с собственной слабостью и даже нашел способ получать от всего этого удовольствие».

Но книга Игоря Шесткова не порождает безнадежности. Со снайперской точностью ранит она чувство и сознание читателя, вызывает мучительную боль,

порождает стыд за то, что мы позволили себя довести, сами довели себя до жизни такой. За то, что, приобретая за медный пятак лживую утешительную записочку, отдали властному чудовищу лучшее, что могли иметь, что должны были получить в тот недолгий срок, который отпущен для нашего пребывания на земле.

Фаюмские портреты (тема одного из рассказов), которыми удачно иллюстрирована книга, помещали некогда на ящиках-гробах, в которых хранили мумии, как претворение облика и души ушедшего. Сидя перед портретами в музейном зале, автор, по его признанию, слышит их требовательные голоса: «Ты был с нами. Ты и сейчас наш. Ты должен изменить свою жизнь. Твое дело - изображать души людей. Их судьбу... Не забывай нас... Ты один из нас». Под фаюмским портретом, помещенным на переплете книги об убитой жизни, ищет истину, мечется, страдает устремленная к счастью душа автора.